

2017-03-24 БОЛЬШЕВИЗМ БУДУЩЕГО

«ГОСПОДА СЧИТАЮТ, ЧТО ОНИ НЕЗАМЕНИМЫ И НЕПРИКОСНОВЕННЫ. НО ОНИ ЗАБЛУЖДАЮТСЯ». Интервью с известным российским журналистом и общественным деятелем Максимом Шевченко.

— Большевизм был идеологией большей части нашего народа и соответствовал русскому менталитету. Он совершенно не был навязан нам извне и вовлек миллионы людей в орбиту социальной и культурной модернизации. Я считаю, что большевистский проект был благом для России — он просто исчерпал себя в какой-то момент. Но на пике своего развития он был проектом, безусловно, народным, он, например, способствовал нашей победе во Второй мировой войне, а еще раньше — в Гражданской войне. Он способствовал консолидации нашего государства и восстановлению его территориальной целостности. Напротив, монархический проект вел Россию к катастрофе, он был неадекватен своему времени.

— Но часто указывают на экспортный характер марксистской идеологии, среди основателей которой, грубо говоря, поначалу не встречается ни одного русского имени.

— Это совершенно не так. Если отрешиться от антисемитского бреда, то можно увидеть, что подавляющее число членов первого советского правительства — великороссы и украинцы. Я не считаю большевизм инспирированным извне. Он был логическим итогом развития монархического проекта, поскольку монархия для России в начале XX века была неприемлема и неэффективна. Исходя из этого, я и говорю, что, если кто-то надумает восстанавливать монархию, автоматически вернутся и предпосылки для массового народного недовольства, которые выльются в очередной большевистский проект. Честно скажу, я бы этого не хотел. Я совершенно не бланкист и не апологет революции, которая обязательно должна свершиться. Но я полагаю, что история движется по своим законам. Если вы говорите А, провозглашая монархию, то история ответит вам Б, то есть большевиками.

Если вы будете восстанавливать власть элит, основанную на божественном принципе происхождения их власти (а в этом суть монархии), то вы неизбежно услышите, что глас божий — это глас народа. И обязательно найдется новый Ленин, который поможет народу сформулировать все то, что он хотел бы сказать правящей элите.

Господа считают, что они незаменимы и неприкосновенны. Но они заблуждаются, и история русской революции показывает, что незаменимых и неприкосновенных у нас нет.

Если вы бросаете вызов целому народу, если вы полагаете, что народ — это мусор под вашими ногами и инструмент для благосостояния ваших семей, если вы объявляете свое благосостояние и благосостояние ваших наследников божественным правом, то знайте, что у народа есть свое понимание божественного права.

У русского народа оно было. Большевизм — это исконное мировоззрение русского

народа, которое восходит своими корнями к старообрядчеству (особенно беспоповскому) и неприятию тоталитарной власти.

Это неприятие сформулировано и в русской культуре — у Достоевского, Толстого и т. д. Гений Ленина увидел в творчестве Льва Толстого русскую революцию, которую писатель действительно отражал, ставя острые вопросы — прежде всего в сфере социальной и публичной этики. Владимир Ленин был гениальным политическим аналитиком, журналистом и практическим политиком к тому же. Он это разглядел. Что до нынешней элиты, то получается, что они презирают всю русскую культуру. Русская культура весь XIX век мучилась в этой империи. Еще Александр Радищев написал: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала». А Александр Пушкин, которому было стыдно быть баринком в этой стране? А Салтыков-Щедрин? Если они полагают, что вся русская литература — это ничто, то пусть знают, что именно русская литература и русская культура и были одним из предтеч большевизма. Поэтому большевики так любили русскую классику, а Ленин так часто ее цитировал и постоянно к ней обращался.

Поэтому русская классика досконально изучалась в советской школе, а сегодняшним хозяевам жизни страшно ее изучать. Как читать «Горе от ума» Александра Грибоедова, если Чацкий — революционер? «А судьи кто? За древностию лет к свободной жизни их вражда непримирима», — спрашивает Чацкий. Неприятно им читать и Ивана Тургенева, поскольку Базаров — нигилист и революционер. А что им тогда остается читать — Боборыкина с Лажечниковым? Да и Петра Боборыкина страшновато, поскольку он описал ужасы безнадежной жизни в тупике.

Те, кто сегодня хочет утвердить сакральность своей власти, на самом деле ненавидят Россию. Многие из них имеют вторые паспорта в карманах. Бежавшая на Украину Мария Максакова недавно открыла тайну, что от гражданства ряда государств нельзя отказаться, даже если ты напишешь заявление с таким требованием, в частности от израильского гражданства. От него не отказываются. Максакова сказала, что большая половина депутатов Госдумы имеют израильское гражданство. Да, формально они, по ее словам, от него отказались, но при этом от него нельзя отказаться. Даже спустя 15 лет после официального отказа достаточно написать заявление, тебе просто восстановят паспорт.

Понятно, что они хотят для себя безопасности. И при этом не понимают, что безопасность для них в другом — в развитии демократических институтов, а не в том, что они обзаведутся ФСО, охранниками, вооруженной дворней и назовут себя боярами.

Это только увеличит угрозу в отношении их семей и их потомков, потому что именно это приведет к новому большевизму, к новой революции и к появлению нового Ленина.

Но, как известно, если Бог хочет кого-то наказать, то он лишает его разума. Вот мы и видим, что они лишаются разума, а значит, Бог хочет их наказать. За жадность, за неадекватность, лицемерие Бог неизменно наказывает — сейчас, при жизни или в потомках.

Так это случилось с Романовыми и с российской правящей аристократией. Конечно, можно потом в Париже или Берлине писать: «Бывают ночи: только лягу, в Россию поплывет кровать; и вот ведут меня к оврагу, ведут к оврагу убивать...» А в реальную Россию им приехать страшно.

— У Набокова это заканчивается, насколько помню, так: «Но, сердце, как бы ты хотело, чтоб это вправду было так: Россия, звезды, ночь расстрела и весь в черемухе овраг!»

— Да, но Владимир Набоков-младший в советской России никогда не был и понятия не имеет, о чем он писал. Он мальчиком уехал из России вместе со своим отцом, известным кадетом и соратником Милюкова. Вся эта эмигрантско-эстетская тематика, созданная Михаилом Шуфутинским, Михаилом Звездинским и Аркашей Северным (которые по-своему выдающиеся певцы, ничего не хочу сказать — особенно про Северного, гениального совершенно барда), питалась фантазиями и туманами. «Поручики Голицыны» — это же все насквозь выдуманная, ненастоящая история.

А настоящей истории они боятся! Но тот, кто боится истории, кто не решается взглянуть на нее трезво, кто боится признать, что большевизм был естественным следствием проблем русской жизни и ее развития, вызывает у меня только жалость. Большевизм — это как такой белок, который организм выделяет в момент тяжелой болезни и который в итоге спасает его от смерти.

Большевизм был иммунным белком, который русская жизнь выделила, чтобы спасти Россию от безумия правящей верхушки, втянувшей народ в мировую войну, не будучи к ней готовой, и от этой «божественной» власти, которую они себе приписали. Поэтому я считаю, что по мере восстановления монархизма может приблизиться и большевизм.

Пусть делают что хотят, а Господь будет делать что должно. А Господни мельницы мелют медленно, но верно.

Максим Шевченко